

Н. С. Гумилев читает К. Д. Бальмонта

Белые пятна в изучении творческого наследия Н. С. Гумилева во многом связаны с тем, что сохранилось не так много документов. Один из вопросов, не подвергавшихся по этой причине серьезному рассмотрению — влияние на молодого поэта творчества символистов, в частности К. Д. Бальмонта — вопрос, заостренный характерной для стихов юного Гумилева несамостоятельностью образов и мотивов. Уйти от голословных рассуждений на эту тему должно помочь ранее неизвестное документальное свидетельство — книга Бальмонта, сохранившая следы чтения Гумилева.

П. Н. Лукницкий (1900—1973), активно собиравший воспоминания, материалы о Гумилеве в 1922—1929 гг. оставил в своей коллекции, хранящейся в Пушкинском Доме, среди прочего несколько документов, касающихся библиотеки Гумилева. Это две описи книг: 1) «Книги из библиотеки Н. С., находящиеся в Пушкинском Доме. Иностранные» [РО ИРЛИ. Ф. 754. Альбом III-3. Ед. хр. 14. Л. 1—16]; 2) «Опись книг, принадлежавших Н. С. Гумилеву, находящихся у А. Н. Энгельгардт» [РО ИРЛИ. Ф. 754. Альбом III-3. Ед. хр. 15. Л. 17—24]. Анна Ахматова прочла эти списки и оставила под ними комментарии.

Под № 18 во второй описи указана книга Бальмонта «Горящие здания» (М., 1900) и оставлен комментарий:

По словам АНГ-Э (Анны Николаевны Гумилевой-Энгельгардт, второй жены поэта. — В. Ф.) Н<иколай> С<тепанович> любил б<ольшее> всех, считал лучшими эту, “Будем, как Солнце” и “Только любовь”. Б<ыла> только эта книга у Н<иколая> С<тепановича>.

И еще: «Вообще Бальмонта не любил совершенно. Вероятно, по детским воспоминаниям [А<нна>Ахм<атова> 26.IV.25]» [РО ИРЛИ Ф. 754. Альбом III-3. 14. Л. 3 об.].

Однако в библиотеке Института русской литературы среди других книг из личной библиотеки поэта, обнаружена книга статей Бальмонта «Горные вершины» (1904), принадлежавшая

Гумилеву, с сохранившимся на заднем форзаце книги автографом двух его стихотворений. Помимо этого, в тексте остались следы чтения — отчеркивания на полях, подчеркивания отдельных фраз — нашедшие, на наш взгляд, отражение в творчестве Гумилева периода «Пути конквистадоров». Благодаря указаниям Ахматовой, записанным Лукницким, можно предположить, что и переплет книги выполнен, скорее всего, самим владельцем: «Сам переплетал [Ему ничего не стоило в увлечении работой обрезать надпись, что угодно]». [РО ИРЛИ. Ф. 754. Альбом III-3. Ед. хр. 15. Л. 17 об.]. Однако сведений о том, что Гумилев был знаком с этой книгой, нет ни в воспоминаниях современников, ни в его переписке.

Факт влияния Бальмонта на Гумилева общепризнан и был подтвержден самим поэтом. Личная обида («Знаменитый поэт, который даже не считает нужным ответить начинающему поэту, сильно упал в моем мнении как человек» [Гумилев 1998—2007/8: 18]) не смогла отменить интереса к Бальмонту-поэту. В статье 1912 г. Гумилев выражает свое непростое отношение к нему так: «Вечная тревожная загадка для нас К. Бальмонт. <...> очень крупный поэт может писать очень плохие стихи» [Гумилев 1998—2007/7: 114]. Другие слова Гумилева свидетельствуют о том, что это не случайное высказывание: «У Бальмонта есть такие прекрасные стихи, пришедшие из таких свежих глубин, что все простится ему» [Мочалова 2000: 285]. Современные Гумилеву критики чувствовали это. Один из них заметил:

Свои «Жемчуга» поэт Н. Гумилев посвящает своему учителю Валерию Брюсову, но смело он мог бы ее посвятить и многим другим — и Г. Гейне, и К. Бальмонту, и французским лирикам. У безглазой музы поэта хорошая память. Она плохо видит, но она хорошо запоминает. Размеры брюсовские, выражения бальмонтовские... [Львов-Рогачевский 2000: 380].

Эта формула, не умаляя значения «подражательного» этапа гумилевского творчества, характеризует Гумилева как «читающего» писателя.

Больше всего Гумилев уделил внимания статьям, посвященным Ф. Гойе, По, Ш. Бодлеру, Уайльд, П. Б. Шелли. Укажем также, что и в статьях, посвященных другим авторам, Гумилев отметил, помимо общих, связующих всю книгу суждений Бальмонта, те фрагменты текста, которые характеризуют перечисленных авторов в сопоставлении с кем-либо другим.

Итак, в *“Los Caprichos”* Гойя как бы живет в *“The Haunted Palace”* (*“Заколдованный замок”*) По. Это мир волнующий, но глубоко чуждый нежности, мир, где хохочут, но не улыбаются, кричат, но не плачут» [Бальмонт 1904: 7]. Или же в статье о князе Урусове: «Когда я стоял перед вашей дверью, — сказал он, улыбаясь, — я подумал: вот здесь живет поэт, вся душа которого обращена к пленительным образам Шелли» [Бальмонт 1904: 104].

92

Остановимся на самом ярком примере. У Гумилева встречается образ цветов, далекий от традиционного, устрашающий. Он отчасти связан с «Цветами зла» Бодлера, переводы которых, выполненные Брюсовым и Бальмонтом, были ему знакомы. Но у Бодлера находится только один такой образ («Падаль»: «И в небо щерились уже куски скелета, / Большим подобные цветам». [Бодлер 1970: 51]). Зато по следам чтения Гумилевым «Горных вершин» видно, что он отмечал места, в которых создается именно такой, устрашающий образ (среди них есть фрагменты текста, связанные в том числе с Бодлером). Итак, можно предположить, что этот образ, связанный через Бальмонта с Бодлером, возникает в большей степени благодаря влиянию перенимаемого из критических статей чужого эстетического опыта, а не в результате чтения первоисточников. Так, Ахматова, читая книги Гу-

милева, оставила следующие пометы в «Романтических цветах»: «Указано место их написания, отдельные строки подчеркнуты, кое-где на полях видим: “Эдгар По”, чаще — “Бодлер”» [Сиротинская 1996: 310].

Ср., например, отчеркнутые Гумилевым в книге строчки с некоторыми из вариантов использования образа цветов в ранних стихотворениях Гумилева:

...отделяют себя от беззаветности и Красоты могильным покровом будничных правил и рабской ежедневности. И они забывают, что **цветы, расцветая для себя властвуют Землей**³ и потому так нравятся глядящим, что бесконечно любят и лелейно хранят свою собственную **тайную мечту**. ... Они владеют тайной мира, и каждый цветок, будь это нежный ландыш или **ядовитая орхидея**, равен Богу <...> ...кровавых пятен и **белых цветов**, застывших и еще более страшных, чем кровь <...> **Цветы с узорными лепестками и ядовитым дыханием**. Цветы, которые заставляют сердце сжиматься с инстинктивной боязнью, если подходишь к ним в минуту счастья <...> Такова была жизненная драма Оскара Уайльда, и он хорошо сказал в своем поэтическом предвидении **собственной судьбы, что жизнь всегда держит в своих руках красные цветы маков**. <...> Любовь иногда приводит к безумию. Иногда? Быть может всегда? О, конечно всегда, но только порою это безумие тонет в красках и словах, схваченных лиризмом, или в поступках поразительной красоты, или в **цветах, впоенных кровью** [Бальмонт 1904: 11, 53, 55, 114, 129].

Ср.: «Расскажу о безумной борьбе // О цветах, обогранных в крови» [Гумилев 1998—2007/1: 140]; «Безумно-белые цветы» [Гумилев 1998—2007/1: 48]; «И медленно пели и млели цветы, // Дыханьем отравы // Зеленой, осенней светло залиты» [Гумилев 1998—2007/1: 71]; «С кровавой лилией в тонкой руке» [Гумилев 1998—2007/4: 85].

Следующий образ, на который следует обратить внимание, — образ поэта, который к тому же перекликается с оставленными на форзаце автографами стихотворений [см.: Филичева 2014].

³ Здесь и далее выделение мое. — В. Ф.

Есть только один вопрос, имеющий безусловное значение для человека: должен ли он видеть в себе средство или цель, должен ли он видеть в себе орудие чьей-то воли, или, отрешившись от подчиненности, желать свободы во что бы то ни стало <...> Быть рабом или быть **властителем**. Быть невольником или **повелителем** той зеленой звезды, на которой мы живем и которая зовется Землей. <...> Поэтому нам и нравятся поэты и **пророки**, что они не знают пределов своим мечтам [Бальмонт 1904: 11, 12].

Этот ницшеанский вопрос — о степени свободы воли человека — решается сам собой в стихах Гумилева, выражаясь в тех же словах, в которых он поставлен: «И ныне есть еще пророки...» [Гумилев 1998—2007/1: 68]; «Где я буду повелитель, // Вождь волшебных песнопений...» [Гумилев 1998—2007/1: 77].

Третий образ, отмеченный Гумилевым у Бальмонта и важный в ранней лирике — образ пропасти, бездны:

Всюду чувствуется обрыв, провал, пропасть, срыв. «Пропать», восклицает поэт⁴ [Бальмонт 1904: 55];

Мне весело и радостно всходить на высоту, приближаясь вплоть к глубоким душам, глядеть в их яркие зрачки, глядеть в их жуткие колодцы.

Что может быть красивее глубокой Человеческой Души! Это бездонность, на зыбях которой качаются миры [Бальмонт 1904: III—IV].

Ср.: «Я конквистадор в панцире железном, // Я вышел в путь и весело иду, // То отдыхая в радостном саду, // То наклоняясь к пропастям и безднам» [Гумилев 1998—2007/1: 81].

И из варианта того же программного стихотворения: «Я пропастям и бурям вечный брат» [Гумилев 1998—2007/1: 287].

Установив принадлежность экземпляра книги Бальмонта Гумилеву и проведя анализ маргиналий, мы подняли вопрос о необходимости дальнейшего изучения особенностей чтения поэта и освоения им творчества современников. В результате исследования также становится ясно, что воздействие Бальмонта (возможно, и не только его) на юного Гумилева происходило

⁴ Далее в статье цитируется стихотворение Бодлера «Пропать».

СОКРАЩЕНИЯ

Сиротинская 1996 — «Моей прелестнице царице...»: По-
меты А. Ахматовой на книгах Н. С. Гумилева / Публ. И. П. Сиро-
тинской // Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8. С. 310—321.

Φ 2014 Φ D D II 9 1